

С. А. Исаев

Введение

1. Реформация в Европе: общий обзор

В немецком городе Виттенберге (курфюршество Саксония) 31 октября 1517 г. произошло вполне заурядное по меркам того времени событие. Мартин Лютер, доктор богословия, профессор Виттенбергского университета, викарий деканата ордена августинцев-обсервантов (деканат — объединение 11 монастырей), при помощи своего земляка и ассистента Иоганна Агриколы прибил к дверям Замоквой церкви Виттенберга большой лист плотной бумаги, на котором на латинском языке с применением сокращений, принятых тогда в ученой среде, но простым читателям непонятных, были выписаны 95 тезисов к предполагаемому диспуту о действительности индульгенций¹. Публичные

---

¹ Католический историк Эрвин Изерло (Iserloh Erwin; 1915–1996) оспорил представление, что Лютер обнаружил «95 тезисов» именно таким способом. Документально подтверждается, что в тот день Лютер разослал тезисы по нескольким адресам, рассказ же о листе, прибитом к двери церкви, исходит от Ф. Меланхтона, который преподавал в Виттенберге с 1518 г. и мог знать об этой детали только с чужих слов и сообщил ее после смерти Лютера. — См.: *Iserloh E. Luther zwischen Reform und Reformation: Der Thesenanschlag fand nicht statt.* Münster, 1966. — Однако вполне вероятно, что лютеране, на протяжении многих лет озабоченные защитой своего вероучения и своих прав перед католиками, просто не имели повода вспоминать о приколачивании тезисов к церковной двери.

диспуты между преподавателями, а также между проповедниками в тогдашней Германии были таким же обычным делом, как рыцарские турниры для дворян. Тот предполагаемый диспут был далеко не первым (и не последним), в каком участвовал Лютер. Он высказывал и брался доказать всего одно принципиально новое для католиков того времени утверждение: купленные индульгенции избавляют от какого-то времени пребывания в чистилище не всех покупателей, а только тех, кто нарушил папою же введенные маловажные запреты; убийцам же, прелюбодеям и ворам — нарушителям Десяти заповедей — индульгенции не помогут.

Теперь, отмечая 500-летие этого события, мы знаем, что оно при всей своей незначительности сыграло роль камешка, обрушившего лавину.

Вокруг тезисов Лютера завязалась публичная полемика. Круг обсуждаемых вопросов стал стремительно расширяться. Лютер был вынужден высказываться об авторитете вселенских соборов и Римских пап, о соответствии канонического права заповедям Божьим, о таинствах, о монашеских обетах, о личности и деяниях Яна Гуса. И эти мнения оказались в целом несовместимыми с вероучением и дисциплиной Римско-католической церкви (РКЦ). 3 января 1521 г. Лев X, папа римский, издал буллу “*Decet Romanum Pontificem*” об окончательном отлучении Лютера и троих его единомышленников от РКЦ.

Однако подавляющее большинство саксонцев, включая и главу государства — курфюрста Фридриха Мудрого — отказались признать это решение правомерным. Лютер продолжал проповедовать, служить литургии, преподавать и писать трактаты и памфлеты, которые печатались фантастическими по тем временам тиражами. И десятки тысяч немцев предпочли состоять в одной церкви с ним, а не с папой. Все эти люди вовсе не считали себя отпавшими от христианства или от католицизма в какое-то раскольничье сообщество или секту. Они верили, что доктор Лютер хочет очистить РКЦ от суеверий и пороков, и надеялись, что этот процесс в ближайшем будущем охватит всю Церковь.

Их оптимизм на поверку оказался наивным. В Германии за религиозными потрясениями последовали военные, политические и социальные. В 1525 г. грянула катастрофическая Крестьянская война, а в 1529 г. турки захватили большую часть Венгрии и осадили Вену. В борьбе против этих угроз сторонникам и противникам Лютера поневоле приходилось действовать заодно. Даже император Карл V вынужден был думать не об истреблении «лютеранской ереси», а о способе сосуществования католиков и лютеран в единой империи.

Германские территориальные государи — сторонники Лютера — 25 июня 1530 г. представили императору Карлу V и имперскому рейхстагу в Аугсбурге вероисповедный документ, который вошел в историю как «Аугсбургское исповедание». Его текст написал Филипп Меланхтон. Исповедание составлено было с целью показать, что вероучение лютеран не противоречит Священному Писанию и что лютеране не впади ни в какую из ересей, осужденных еще древней Церковью. На многих слушателей документ произвел сильное впечатление, но ни императора, ни других католиков он ни в чем не убедил. Это сравнительно компактный текст, в котором сформулировано, какую веру лютеране намерены отстаивать перед католическими властями. И в наше время «Аугсбургское исповедание» остается наиболее авторитетным текстом, определяющим, во что и как верят лютеране. В 1531–1534 гг. стало ясно, что лютеранское движение за реформу Церкви не сможет захватить всю РКЦ. И тогда его приверженцы поневоле образовали отдельную церковь. За нею впоследствии закрепилось название Лютеранская. После нескольких вспышек вооруженных столкновений по условиям Аугсбургского мира 1555 г. церковь получила право на легальное существование в пределах Германской империи и утвердилась во многих германских государствах.

Тотчас после легализации в империи лютеране начали длинную серию догматических полемик между собой. Основные спорные вопросы были разрешены Формулой согласия 1577 г. В 1580 г. девять вероисповедных документов, признаваемых

с тех пор Лютеранской церковью как вторичный вероучительный стандарт (за первичный признавалась Библия), были впервые опубликованы под одной обложкой как Книга согласия.

В 1527 г. шведский король Густав Ваза осуществил лютеранскую реформу церкви в своей стране. В 1536 г. то же самое проделал в Дании новый король Кристиан III, которому подчинялась и Норвегия. Лютеранство, таким образом, победило во всей Скандинавии и в Финляндии.

Приверженность «Аугсбургскому исповеданию» 1530 г., т. е. определенная догматика — это единственное, что объединяет всех лютеран. Другие документы, составляющие Книгу согласия 1580 г., принимаются не всеми: например, церковь Дании никогда не признавала и не признаёт Формулу согласия 1577 г. Как должна быть устроена каждая поместная лютеранская церковь, решает исключительно она сама. Фактически внутри лютеранства с самого начала оформились две основные канонико-литургические традиции: германская и скандинавская. В скандинавской традиции есть епископат, претендующий на преемственность по непрерывной линии от Христа и апостолов через католических епископов предреформационной эпохи. В германской традиции такого епископата нет, а есть «всеобщее священство», подчиненное начальству, связанному со светскими властями. Глава церкви территориального государства может называться суперинтендентом или даже епископом². Но при введении в должность такой начальник не всегда получает рукоположение, а если и получает, то иногда от одних действующих священников, а не от тех, кто уже занимает в церкви должность того ранга, в какой возводят его. С точки зрения католиков, православных или англикан, это не рукоположение вообще. Для лютеранства характерно большое литургическое разнообразие и вариативность церковных практик: иконы, рассматриваемые как религиозная живопись, могут в храме быть, а могут не быть; использование ладана, помазание миром

² В Ганновере до 1673 г. главу церкви именовали «генералиссимус» (Real-Enzyklopädie für Protestantische Theologie und Kirche. Hamburg, 1856. Bd. 5. S. 144).

и многое другое рассматриваются как действия безразличные (адиафора): не предписанные, но и не запрещенные Писанием, а значит совершаются только по желанию прихода.

Очаги Реформации возникали и за пределами Германии. Присмотримся к характеру реформационных процессов в некоторых из них.

В 1523 г. в Цюрихе — центре одноименного кантона Швейцарии — каноник Большого кафедрального собора, магистр искусств Ульрих Цвингли добился от властей одобрения своего плана реформы церкви. Цвингли реформировал прежде всего литургию. Он превратил проповедь в чтение Нового Завета по-гречески и по-немецки с подробными комментариями, причастие — в сильно упрощенную по сравнению с католической мессой церемонию; «очистил» церковь от икон, статуй и органов, т. е. от всего, что, по его мнению, представляло собой пережиток и/или проявление идолопоклонства и отвлекало внимание верующих от новозаветного учения. Цвингли был твердо убежден: воздействия Христовой вести на верующих и вообще на внимательных слушателей необходимо и достаточно, чтобы сделать его паству, наконец, истинными христианами — «святыми» в новозаветном, а не в римско-католическом смысле этого слова. Вскоре Цюрих, Базель, Берн и Невшатель (швейцарские кантоны, принявшие реформу Цвингли) были вовлечены в конфликт с пятью католическими кантонами, каковыми остались Ури, Швиц, Унтервальден, Люцерн и Цуг. Между ними начались войны. В ходе одной из них, 11 октября 1531 г., Ульрих Цвингли погиб в сражении при Каппеле.

Церковь или, точнее сказать, федерация небольших церквей, которая возникла в результате реформаторских усилий Цвингли, никогда не носила его имени. Хотя преемником Цвингли в Цюрихе стал его ученик и зять Генрих Буллингер, цюрихская (а также базельская) «реформированные» общины в скором времени испытали мощное влияние нового реформационного течения, возникшего во Франции, и новых очагов Реформации, возникших на западных границах Швейцарии. Речь идет прежде всего о Страсбурге и Женеве.

В 1523 г. власти имперского города Страсбурга приняли решение о реформе церкви. Возглавил ее Мартин Буцер, только что прибывший в город. Уроженец Эльзаса, Буцер одно время состоял в доминиканском ордене и учился в Гейдельбергском университете, где получил превосходное гуманистическое образование и степень бакалавра. Он был рукоположен как католический священник. Еще в 1518 г. Буцер услышал в Гейдельберге Лютера, выступавшего на диспуте, и стал приверженцем церковной реформы. В 1522 г. одним из первых среди священников он вступил в брак. Страсбургские реформаторы — Буцер, Вольфганг Капито и Маттиас Целль — начали очищать церковь от «идолопоклонства» и излишеств, как это делал и Цвингли. Но кроме того они приучали свою паству к дисциплине. Делалось это постепенно, но неуклонно.

Новизна Буцеровой идеи христианского дисциплинирования была весьма относительной. IV Латеранский собор РКЦ еще в 1215 г. утвердил концепцию «один пастырь — одно стадо», которая ввела сложную систему надзора за умонастроениями и поведением римских католиков Западной Европы. Важнейшей ее составной частью была так называемая епископская инквизиция. Ко времени Реформации система эта была сильно расшатана. Буцер, как и другие реформаторы, был уверен, что РКЦ предъявляла своей пастве наряду с разумными и многочисленными неправомерными требованиями, нелепость которых была очевидна для многих, так что выполнение этих требований саботировалось на разных уровнях. Но Буцер был уверен, что если от паствы категорически требовать соблюдения Десяти заповедей и минимальных разумных дисциплинарных требований, то порядок можно и нужно будет восстановить: он будет соблюдаться строже прежнего, и всем это будет только на пользу.

В городе Марбург (ландграфство Гессен) 1–4 октября 1529 г. было организовано собеседование ведущих церковных реформаторов. Там состоялась единственная встреча Лютера и Цвингли. Реформаторы достигли согласия по всем вопросам реформы, кроме только одного: понимания причастия. Однако в толковании смысла причастия они решительно разошлись, так

что из-за этого не состоялось и общеполитическое соглашение между государствами (включая города), готовыми отстаивать реформированную религию. В Марбурге Буцер и его единомышленники попытались выступить посредниками между Лютером и Цвингли в этом вопросе и предложили компромиссное толкование. Компромисс не удался: его не приняли. Никто тогда не подозревал, что именно этому пониманию причастия суждено было впоследствии распространиться широчайшим образом: его принял Кальвин и все кальвинистские церкви, оно было принято Англиканской церковью и до сих пор является действующей нормой ее веры. И когда в 1530 г. католические власти Священной Римской империи потребовали от всех реформаторов церкви изложения веры, М. Буцер и В. Капито составили “*Confessio Tetrapolitana*” — «Исповедание четырех городов» (имелись в виду имперские города Страсбург, Констанц, Мемминген и Линдау).

Считается, что это старейшее исповедание реформатской церкви в Германии³. (В наше время реформатство ассоциируется прежде всего с Жаном Кальвином, но этот французский гуманист тогда был еще «добрым католиком» и примкнул к делу Реформации позже.) Буцер фактически возглавлял Реформацию в Страсбурге до 1548 г., когда победа католиков над протестантами в Шмалькальденской войне (1546) и введение в действие Аугсбургского интерима вынудили его эмигрировать в Англию⁴.

Женева до 1814 г. не входила в состав Швейцарии на постоянной основе. В эпоху Реформации это была городская коммуна в составе Империи, фактически зависевшая от герцога Савойского и очень тяготившаяся этой зависимостью. Именно ради избавления от нее в 1526 г. Женева заключила союз с двумя католическими кантонами Швейцарии — Берном и Фрибуром. В августе 1527 г. католический епископ Женевы, тесно связан-

---

³ *Шафф Ф.* История христианской церкви. Т. VII. Современное христианство: Реформация в Германии. СПб., 2009. С. 432.

⁴ Этот документ определял временное церковное устройство в областях «освобожденных» от протестантов (окончательное должен был определить Тридентский собор).

ный с герцогом, бежал из города. В начале 1528 г. в Берне при активном участии приехавших туда Цвингли и Буцера победила Реформация. Кантон Фрибур был готов поддерживать Женеву против Савойи, только если город сохранит верность католичеству, но Берн настаивал на проведении в Женеве церковной реформы и обещал дальнейшую помощь и поддержку только при этом условии. Женевцы колебались, однако партия поборников реформы постепенно крепла. Наконец 8 августа 1535 г. бродячий проповедник Реформации француз Гийом Фарель во главе вооруженного отряда захватил кафедральный собор Женевы. В собор хлынула толпа, которая первым делом разбила витражи и выбросила статуи святых. В январе 1536 г., когда герцог Савойский попытался вернуть себе контроль над городом, Берн прислал Женеве внушительную помощь и помог сохранить независимость. В мае 1536 г. власти города приняли решения, означавшие присоединение к Реформации. И когда в июле 1536 г. через Женеву проезжал по пути из Италии в Страсбург молодой богослов француз Жан Кальвин, Гийом Фарель убедил его остаться и возглавить процесс реформы церкви.

В 1537 г. реформаторы начали наводить в городе свои порядки. Исходя из всеобщего убеждения, что Женева — это город только для истинных христиан, они сделали обязательной нормой причащение каждого взрослого не реже чем раз в месяц. Но это была не просто обязательная формальная процедура: к причастию полагалось готовиться, недостойных до чаши не допускали, а чтобы недостойных выявить, начали создавать систему каждодневного надзора за поведением. На недопущенных до чаши налагались всевозможные наказания вплоть до изгнания из города. Недовольные всеми этими изобретательными строгостями женевцы в апреле 1538 г. изгнали из города и Кальвина, и Фареля. Фарель нашел себе убежище в кантоне Невшатель, Кальвин же обосновался в Страсбурге, где служил под началом у Буцера. Многие из практики Буцера он усвоил и в дальнейшем применил. Вскоре противники Кальвина в Женеве перессорились между собой и утратили власть. 13 сентября 1541 г. Кальвин вернулся в Женеву. С этого дня и до самой

кончины (28 мая 1564 г.) он, формально будучи лишь церковным «служителем» города (одним из девятнадцати в 1564 г.), заставлял женевцев жить по весьма своеобразным законам.

В Женеве была вновь введена система строгого надзора за поведением горожан: они должны были честно трудиться шесть дней в неделю, а по воскресеньям участвовать в богослужении и читать Библию. Увеселения, за редким исключением, были запрещены. Всякая роскошь порицалась. За нарушения моральных или церковных запретов назначались позорящие меры, штрафы, тюремное заключение, исправительные работы, за колдовство и ересь — костер. Как у католиков формально церковь сама никого не казнила, а лишь настоятельно просила светские власти покарать еретика, так и при Кальвине в Женеве казни осуществлялись светскими властями по приговору консистории. Ни о какой свободе совести в кальвиновской Женеве говорить не приходится, а прочие свободы были весьма ограничены этой системой дисциплины. Но у таких режимов всегда были и есть приверженцы, которые ценят их за тот полицейский порядок, который они способны поддерживать в течение долгого времени. Женевскую диктатуру ценили за то, что она гарантировала чистоту христианской веры: Кальвин обладал достаточным интеллектом и силой убеждения, чтобы склонить к своему мнению многих. Была налажена система образования, которую увенчала Женевская академия, основанная в 1559 г. Кальвин использовал все возможности, чтобы продемонстрировать негативное отношение женевских властей к более радикальным течениям Реформации. Анабаптистов из Женевы изгоняли после первых же попыток пропаганды «водного крещения». Приехавший в Женеву знаменитый медик Мигель Сервет был арестован и 27 октября 1553 г. заживо сожжен за то, что публично и вызывающе критиковал учение о Св. Троице.

Еще в 1549 г. Кальвин, Буллингер и Фарель подписали в Цюрихе вероисповедный документ, известный как «Цюрихское согласие (Consensus Tigurinus)». Цюрихцы ранее придерживались цвинглианского понимания причастия. Теперь они заявили о своей согласии с тем пониманием, которое выработали

Мартин Буцер и Жан Кальвин. В результате этого слияния возникло течение Реформации, именуемое реформатами. Кальвинистами их называть не принято, хотя их богословие является кальвинистским. Разновидность Реформации, создавшая Реформатскую церковь, с полным на то основанием именуется кальвинистской реформацией.

В 1533 г. к Реформации примкнула Англия или, лучше сказать, король Генрих VIII внезапно приступил к реформе Церкви Англии. До этого всем, в том числе римскому папе Клименту VII, представлялось, что между светскими властями Англии и церковью имеют место рутинные трения по обычным для католического мира спорным вопросам: о согласовании кандидатур клириков, вновь назначаемых на вакантные места, и о размере доходов с церковных имуществ, отправляемых в Рим. К тому времени государи Франции и Испании уже добились признания папой их законных прав в этих сферах, и казалось, будто и в Англии события развиваются в том же направлении. У короля Генриха VIII была репутация стойкого противника Реформации: в 1521 г. он получил от римского папы титул “Defensor Fidei (Защитник веры)” за сочинение против Лютера. Даже настоячивые, но безуспешные попытки Генриха VIII узаконить свой развод с Екатериной Арагонской не были похожи на детонатор реформационного процесса: брак объявили действительным и нерасторжимым не только католические университеты, но и лютеранский Виттенбергский университет. 30 марта 1533 г. сам папа Климент VII возвел в архиепископы Томаса Кранмера — будущего главу Церкви Англии. Кранмер по прибытии в Англию по воле короля и в нарушение канонов РКЦ узаконил королевский развод и новый брак. 1 июня 1533 г. состоялась коронация фаворитки Генриха VIII Анны Болейн. 11 июля 1533 г. папа издал буллу, грозящую королю отлучением от церкви.

Когда эта булла стала известна в Англии, парламент с подачи короля начал один за другим издавать законы, прекращающие папскую юрисдикцию над Церковью Англии. 4 декабря 1533 г. состоялась интронизация Томаса Кранмера как архиепископа Кентерберийского. Он торжественно вручил королю

свои полномочия, полученные от римского папы, и вновь получил их уже от короля. 3 ноября 1534 г. парламентский «Акт о верховенстве» передал все полномочия папы по управлению Церковью королю. Церковь Англии стала национальной и перестала быть частью РКЦ. Преобразования 1533–1534 гг. изменили канонический статус церкви, но ни о каких преобразованиях внутри ее, ни о каком пересмотре догматики или литургии речи тогда еще не было. Перемены начались в 1536 г. принятием вероучительных «Десяти статей», но были остановлены в июне 1539 г., когда парламент утвердил «Шесть статей», восстановивших римско-католические догматы и практики. Следующие преобразования имели место по инициативе Томаса Кранмера в правление малолетнего короля Эдуарда VI — в 1547–1553 гг. Начало этих преобразований совпало по времени с тяжкими поражениями Реформации на европейском континенте, откуда деятели Реформации бежали в Англию: одно время казалось, что Англия превратится в островную цитадель общеевропейской Реформации, подобно тому как Швейцария уже стала ее горной цитаделью. Однако получилось иначе: в 1552 г. в Германии натиск католиков был остановлен, по Англии же с воцарением Марии Тюдор прокатилась волна католической реакции (1553–1558 гг.), жертвами которой стали виднейшие реформаторы, в том числе и Томас Кранмер.

Реакция была жестокая, но скоротечная. С кончиной Марии Тюдор 17 ноября 1558 г. и воцарением Елизаветы I независимость Церкви Англии от Рима была восстановлена. В январе 1559 г. парламент одобрил «Акт о единообразии» литургии. 29 апреля 1559 г. тот же парламент принял новый «Акт о верховенстве»: теперь король или королева скромно титуловались «правителем / правительницей (Governor)» Церкви Англии, а не «главой» (Head), как раньше. В 1563 г. был одобрен документ, который поныне считается основным вероучительным документом англиканства: «Тридцать девять статей». Оформившееся в те годы устройство сохранилось до наших дней. Лишь в годы революции — в 1646–1660 гг. — епископальное устройство было ненадолго упразднено пуританами. Католики оста-

вались в Англии на полулегальном положении вплоть до Акта об эмансипации 1829 г., после чего им удалось частично восстановить в стране свое влияние, не в последнюю очередь благодаря талантливым католическим писателям, таким как Джон Ньюмен, Гилберт Кит Честертон и Джон Рональд Руэл Толкин. Однако попыток вернуть Англиканскую церковь в каноническое подчинение Риму больше не предпринималось.

2. Реформация в Европе: основные течения

Таким образом, уже в первые 15 лет после начала Реформации в Европе были налицо три качественно своеобразных основных течения Реформации: лютеранское, цвинглианское, англиканское. Второе и третье возникли независимо от первого, хотя их деятели превосходно знали трактаты и реформаторскую деятельность Лютера.

Для лютеран с самого начала и на протяжении всей последующей истории была характерна озабоченность преимущественно догматикой. Отвергнув некоторые учения РКЦ, лютеране выработали свой вероучительный стандарт, в котором осуществили новый синтез учений древней неразделенной Церкви, тех учений средневековой схоластики, которые они не оспаривали, и своих собственных. Лютеране создали разветвленную систему богословского образования и свою богословскую традицию. Рискнем описать общий смысл лютеранской реформы средневекового римского католичества следующим образом. Лютеране тщательно вычистили из римско-католического богословия и церковной практики всё, что они сочли несовместимым с представлением об Иисусе Христе как единственном Искупителе грехов всех людей. Так, знаменитый лютеранский догмат *sola fide* — о спасении только верою, но не добрыми делами — отвергает добрые дела как второй или самостоятельный наряду с самопожертвованием Христа на Голгофе фактор спасения: для собственно искупления добрые дела никакого значения не имеют. Однако добрые дела, по лютеранским представлениям,

не только допустимы, но и необходимы в другом качестве: как естественный плод настоящей, спасительной, веры, благодаря которой Христос признаёт верующих Своими. Чтобы понять значимость этого базового учения об Иисусе Христе для лютеран, сто́ит внимательно прочитать длиннейшую IV статью «Апологии Аугсбургского исповедания» (1531), где Ф. Меланхтон одну за другой рассматривает различные католические теории искупления (и наряду с ними одну православную), и все их отвергает на одном и том же основании: они так или иначе, сильно или слабо, но отклоняются от представления об Иисусе Христе как о единственном искупителе, а такие отклонения, по убеждению Лютера, оскорбительны для Христа и несовместимы с христианством. При этом всё римско-католическое наследие, совместимое с представлением о Христе как о единственном искупителе человечества, в лютеранстве сохранилось. Сам Лютер не жалел бранных слов в адрес Фомы Аквинского и особенно Иоанна Дунса Скота («шотландской кашицы»). Но Меланхтон даже при жизни Лютера цитировал Фому Аквинского вполне одобрительно, а представители так называемой лютеранской ортодоксии XVII в. высоко ценили средневековых схоластов и принимали за истину те их построения, которые не противоречили лютеранскому вероучительному стандарту.

Поборники цвинглианской реформации предполагали, что все пороки РКЦ связаны были с наличием в римско-католическом культе явно чрезмерного количества и объема материальных компонентов. В почитании многих из них — особенно икон и мощей — они усматривали идолопоклонство. «Паролем» этой реформации были слова Христа: «Плоть не пользует нимало» (Ин. 6: 63), применяемые и к таким объектам, каких Христос, скорее всего, в виду вовсе не имел. Цель цвинглианской реформации — отвергнув материальные объекты богочитания, восстановить почитание Бога «в духе и истине», тем самым воспитать верующих в святости и обеспечить спасение их душ. Для цвинглианской реформации было весьма характерно иконоборчество, но также стремление приобщить как можно большее число верующих к Слову Божьему, передаваемому на языке оригинала, т. е. на древнееврейском

и греческом. Сохранив в литургии причастие, Цвингли и его сторонники категорически отвергли представление о том, что в причастных элементах, т. е. хлебе и вине, Тело и Кровь Христа присутствуют материально. Это сделало неизбежным конфликт между Цвингли и Лютером, в котором ни одна из сторон не шла ни на какие уступки. Однако Цвингли проявил явную непоследовательность в своем стремлении к «дематериализации» христианского культа, когда решил сохранить крещение во младенчестве. В ходе дискуссий 1525 г. с анабаптистами он категорически отверг анабаптизм и как вероучение, и как практику. При крещении младенец еще не способен сознательно воспринимать совершаемые над ним действия; тем не менее Цвингли признавал, что в крещении акт присоединения младенца к христианству всё же имеет место. Значит, Цвингли вопреки собственным заявлениям всё же признавал за такой «плотью», какова крещальная вода, способность «пользоваться» человека. Вероятно, Цвингли всё же бессознательно опасался полного разрыва с католической и — шире — общехристианской традицией и сознавал непреходящую ценность некоторых ее компонентов. Можно предположить, что именно эта непоследовательность обусловила недолговечность цвинглианства как самостоятельного течения.

В самом деле, после гибели своего основателя цвинглианство перестало существовать как отдельное и своеобразное течение Реформации. Прямых наследников — хранителей цвинглианской традиции во всей ее полноте — не осталось. Однако непрямые наследники Цвингли можно и нужно считать баптистов, которые следуют взглядам Цвингли во всем, за исключением только практики крещения во младенчестве. Характерное для Цвингли стремление сделать христианство чисто духовным довели до последнего предела более ста лет спустя квакеры, упразднившие вообще все таинства, даже Крещение. Но квакеры верят в существование дополняющего Библию актуального канала связи верующего с Богом: «внутреннего света (Inner Light)», о котором Цвингли не знал. С другой стороны, квакеры не разделяют веры Цвингли в первородный грех и в предопределение. Даже если считать квакерство отдаленным

последствием Реформации, а квакеров — протестантами, цвинглианцами считать их все-таки невозможно: слишком много важных различий. Основная же масса сторонников Цвингли в Цюрихе разделяла его приверженность крещению во младенчестве. Наверное, поэтому через 18 лет после смерти Цвингли его цюрихские приверженцы присоединились к кальвинистам и стали именоваться реформатами.

В-третьих, англиканская реформация. Стремление создать национальную церковь, полностью независимую от римского папства, зато жестко подконтрольную верховной власти Англии, т. е. королю (или королеве); церковь, управляемую епископами, имеющими непрерывное апостольское преемство; церковь, где служат единообразную литургию, — такова была единственная константа всех действий по отношению к Церкви своей страны трех монархов из династии Тюдоров: Генриха VIII с 1533 г., Эдуарда VI и Елизаветы I на протяжении всего их правления. Во многих прочих отношениях планы реформы Церкви, которым следовали эти монархи, особенно Генрих VIII, были крайне переменчивы. Догматика Англиканской церкви всегда допускала и сейчас допускает весьма разнообразные варианты понимания предопределения и свободы воли. Менялось и понимание причастия: реформаторы пытались то внедрить лютеранское понимание, то восстановить католическое, и в конце концов выбрали кальвинистское.

Четвертая основная разновидность Реформации — кальвинистская. Однако кальвинизм не принадлежит к числу первичных, изначальных ее течений. Кальвинизм стал оригинальным и на редкость жизнеспособным синтезом трех изначальных течений. Описать его гораздо сложнее, чем названные три, ибо в первоначальных своих очагах кальвинизм вызревал долго и постепенно.

Мартин Буцер был не только старшим товарищем Кальвина и его предшественником в деле Реформации, но и не менее значимым основателем кальвинизма, чем сам Кальвин, хотя его имя и не фигурирует в названии этого течения Реформации.

Страсбургские реформаторы считали себя единомышленниками и последователями Лютера. Однако первоначальному

лютеранству было чуждо стремление подчинить верующих дисциплине, направляющей паству к высотам святости на этом свете и ко спасению души на том. Буцер же с самого начала своей деятельности считал христианскую дисциплину важнейшей составной частью «внешней» деятельности Церкви, наряду с двумя таинствами и проповедью. В 1529 г. в Марбурге и в 1530 г. в Аугсбурге реформаторы Страсбурга, Констанца, Меммингена и Линдау в вопросе о причастии заняли компромиссную — между Лютером и Цвингли — позицию. После гибели Цвингли, в 1536 г., они сблизилась было с Лютером, подписав Виттенбергскую конкордию, однако этот компромисс был отвергнут как Генрихом Буллингером, так и другими швейцарцами. В годы, которые Кальвин провел в Страсбурге в постоянном общении с Буцером, кальвинизм, по-видимому, вызрел как целостная система. Начиная с 1541 г. система эта была успешно применена в Женеве.

Но даже реформы Кальвина в Женеве последних лет его жизни, 1553–1564 гг., далеко не завершили формирование кальвинизма. Впереди были еще разработка теологии Ковенанта (договора верующего с Богом) и дискуссии о предопределении. А должное церковное устройство и по сей день является предметом споров в кальвинистской среде. При этом все кальвинисты убеждены, что оно исчерпывающе описано в Библии и вся проблема в том, как правильно понять библейские указания.

Если же говорить о базовых кальвинистских представлениях, то их связь с воззрениями первоначальных течений Реформации выглядит следующим образом.

Представление Лютера и Меланхтона об Иисусе Христе как о единственном искупителе грехов всех людей Буцер и Кальвин разделяли в полной мере: никаких разногласий по этому важнейшему вопросу между лютеранами и кальвинистами не было. Озабоченность точностью догматических формулировок, стремление сохранить всё ценное и значимое из наследия католической схоластики одинаково характерно и для кальвинистов, и для лютеран. И те, и другие создавали продуманные системы богословского образования.

С Цвингли кальвинистских реформаторов роднит непримиримое иконоборчество. Но кальвинисты смогли преодолеть основное противоречие учения Цвингли: между тезисом «плоть не пользует нимало» и сохранением двух таинств. А именно: всякое почитание материального — идолопоклонство, за исключением того почитания, которое предписал Сам Бог. Следовательно, литургия должна быть, однако в литургии должно быть только то, что прямо предписано Богом (тогда как лютеране всегда допускали «излишества», в Библии прямо не запрещенные).

Не надеясь осуществить свои реформы сразу во всем христианском мире, кальвинисты весьма одобрительно относились к организационному разделению Церкви по границам государств. Церкви охватывали территории Женевы, Берна, Базеля, Шотландии. В этом у них было полное взаимопонимание с деятелями англиканской Реформации.

Создаваемые кальвинистами территориальные церкви стремились подчинить свою паству тщательно разработанным дисциплинарным нормам. Буцер и Кальвин видели духовный смысл деятельности таких церквей в том, что они организуют жизнь и труды христиан и направляют их на преобразование мира в соответствии с Божьим замыслом. Они были уверены, что замысел этот они постигли. Состоит он в том, что люди должны быть не невежественными, а грамотными: чтобы могли читать и понимать Библию, а также полезные светские книги; не ленились, а продуманно и продуктивно трудились, предотвращая голод и обустроивая быт. Дабы досуг восстанавливал их силы, а не разрушал, кальвинисты искореняли пьянство и азартные игры, но считали полезными развлечения, направленные на совершенствование ума и трудолюбия: стрельбу из лука, борьбу, фехтование, музицирование, шахматы, шашки⁵. Смысл всей этой деятельности они описывали емкими формулами — «во славу Божию» или «ради славы Божьей». В подробностях эту цель раскрывали бесчисленные проповеди.

⁵ *Usher R. The Presbyterian Movement in the Reign of Queen Elizabeth.* London, 1905. P. 29–78.

3. Экспансия кальвинизма

Дальнейший ход событий в Европе и на Британских островах позволяет говорить об «экспорте Реформации», а именно — кальвинистской.

Три первоначальные разновидности Реформации сформировались быстро, но как только они сложились, их распространение фактически остановилось.

Если считать (условно, конечно), что лютеранство возникло в 1517 г., то время его активного распространения укладывается в 20 лет. Последнее существенное приращение ареала распространения — это Дания и Норвегия, 1536 г. Всё дальнейшее — результат позднейшей длительной и планомерной работы лютеранских миссионеров в Индонезии, Нигерии, Кении, Эфиопии. О распространении цвинглианства едва ли возможно говорить вообще: разве что о поддержке, которую Цюрих при Цвингли оказывал сходным по характеру реформационным движениям в соседних кантонах. Англиканство изначально было христианством только для Англии и в дальнейшем распространялось туда, куда переселялись лояльные своей Церкви англичане: в Ирландию, Виргинию, Индию. Показательна в этом плане попытка Стюартов в эпоху Реставрации (1660–1688 гг.) совершить в Шотландии нечто зеркальное попытке пуритан «пуританизировать» Церковь Англии в 1640-х годах: а именно превратить национальную Церковь Шотландии в Англиканскую. Попытка эта встретила всеобщее сопротивление и провалилась: англикане в Шотландии (Епископальная церковь Шотландии) — это поныне незначительное меньшинство.

Кальвинистская же реформа всегда осуществлялась по формуле: добьемся того, что необходимо сейчас, и только тогда увидим, что делать дальше. Параллельно этому внутреннему процессу в кальвинизме развернулась впечатляющая внешняя экспансия.

В 1559 г. Фридрих III Благочестивый, став курфюрстом лютеранского Пфальца, использовал свою прерогативу правителя («чья власть, того и вера»), чтобы ввести в Пфальце кальвинизм.

В 1563 г. курфюрст утвердил Гейдельбергский катехизис. Начиная с 1566 г. «кальвинизация» охватывает весьма значительную часть лютеранских земель Германии: Нассау (1577), Бремен (1581), Ангальт и часть Гессена (1597), Бранденбург (1613). В начале Тридцатилетней войны (1618) население Германии состояло из католиков, лютеран и «реформатов» (кальвинистов) приблизительно поровну.

В 1560 г. кальвинистская реформация потрясаяще быстро и необратимо победила в Шотландии.

В соседней Англии значительная часть прихожан государственной церкви считала «королевскую» (или «англиканскую») реформацию недостаточной и требовала реформы («очищения» церкви) по шотландскому образцу. За этими людьми закрепилось наименование пуритан. После того как все их петиции об очищении церкви были отвергнуты королевой, а парламенту королева запретила их обсуждать — с 1572 г. священники (по статусу англиканские, по убеждениям пуритане) начинают тайно объединяться в выборные коллегии с управленческими функциями («пресвитерии»). Фактически в Англии возникает подпольная пуританская церковь внутри государственной англиканской. При этом пуритане подходили к англиканскому причастию со спокойной совестью, так как у англикан и пуритан понимание причастия было одинаковое — кальвинистское. В XVII в. борьба королевской власти с пуританами ввергла Англию в знаменитую смуту, известную как Английская революция.

Распространение кальвинизма по Франции достигло пугающих (с точки зрения католиков) масштабов уже к 1560 г. Католики попытались остановить его силой. Нападение слуг герцога Гиза на собравшихся для пения псалмов кальвинистов в деревне Васси (в Шампани) 1 марта 1562 г. ввергло Францию в длинную серию религиозных (или гугенотских) войн. За третьим по счету перемирием последовала резня в Варфоломеевскую ночь на 24 августа 1572 г. Одержать в этих войнах полную победу кальвинисты не смогли, однако кальвинизм во Франции выжил и оставался внушительным фактором внутренней политики, особенно с принятием Нантского эдикта в 1598 г. и вплоть

до 1685 г., когда за его отменой последовало изгнание гугенотов из Франции.

В Нидерландах (речь идет о стране, включавшей в себя также нынешнюю Бельгию) кальвинисты еще в 1561 г. были незначительным меньшинством. Однако репрессивные действия испанских властей уже во второй половине 1566 г. спровоцировали иконоборческие бунты. В августе 1567 г. за искоренение ереси взялся наместник испанского короля герцог Альба, который поставил перед собой грандиозную задачу — превратить торговые и промышленные провинции вновь в сельскохозяйственные и населенные не еретиками, а добрыми католиками. Тогда восстание в Нидерландах стало всеобщим и национальным, а кальвинизм — его знаменем.

В 1571 г. кальвинисты Нидерландов провели свой первый общенациональный синод: в городе Эмден (пограничное немецкое графство Восточная Фрисландия). Как и во Франции, они организовали свою церковь по пресвитериальному принципу. Тем не менее, их всегда называли не пресвитерианами, а реформатами. Значение этих двух слов, описывающих принцип организации кальвинистских по вероучению церквей и обычно фигурирующих в названиях этих церквей, фактически совпадает. Разница сводится к тому, что пресвитериане — это англосаксы, а реформаты — прочие, т. е. немцы, французы, голландцы, швейцарцы, венгры, литовцы.

После захвата в апреле 1572 г. «морскими гёзами» Бриля и Флиссингена города Нидерландов в июле 1572 г. объявили Вильгельма Оранского штатгальтером — вице-королем, управляющим Нидерландами якобы от имени испанского короля. В случае, если бы дело нидерландских патриотов поддержала Франция, быстрый успех его был бы гарантирован. Однако события Варфоломеевской ночи изменили ситуацию. В январе 1579 г. страна разделилась: 10 южных провинций образовали Аррасскую лигу охраны католической веры приблизительно в границах будущей Бельгии, а 7 северных провинций — Утрехтскую унию. Страну захлестнули встречные потоки переселенцев: католиков на юг, кальвинистов на север. В 1581 г. семь северных

провинций объявили о своей независимости. И хотя она получила международно-правовое признание лишь в 1648 г., Нидерланды действовали не только совершенно самостоятельно, но и активно, причем и на немалом удалении от Европы. Уже в 1596 г. первая голландская экспедиция прибыла на Западную Яву, в 1599 г. первые голландские корабли появились у берегов Молуккских островов, а в 1619 г. голландцы основали форт Батавия — нынешнюю Джакарту. Даже католики вынуждены были признать, что приверженность кальвинизму помогла голландцам создать невероятно жизнеспособное государство.

До сих пор речь шла только о таких кальвинистах, которые называли себя реформатами или пресвитерианами и организовывали свою церковь как централизованную республику, где всех пресвитеров назначал высший орган церкви, называвшийся национальным синодом или как-то иначе. Однако были и такие кальвинисты, что вычитали из Библии указания на иное должное устройство церкви. В 1582 г. английский пуританин Роберт Броун (Browne Robert; 1540–1633) инициировал выход своей общины в городе Норидже из-под власти пресвитерии. Отныне она считала себя независимой конгрегацией, где пастора избирали ее члены. Эта община считала Англиканскую церковь безнадежно испорченной и в ее литургии более не участвовала. Конгрегация Броуна поддерживала неформальные отношения с другими конгрегациями, которые придерживались подобного же вероучения и были близки по духу. Так возник конгрегационализм. Если пресвитерианство / реформатство было представлено вертикальными структурами, то конгрегационализм был структурой сетевой. Если с течением времени между конгрегациями возникали разногласия, то отношения товарищества между ними прекращались, но никакой возможности вернуть впавшего в какую-нибудь ересь пастора на путь истинный в конгрегационализме нет.

Правительство Елизаветы I преследовало конгрегационалистов гораздо более свирепо, чем пресвитериан. За последних всегда заступалась Шотландия. С пресвитерианской точки зрения конгрегационализм был не менее вопиющим нарушением церковной дисциплины, чем с англиканской. 6 апреля 1593 г.

два лидера конгрегационалистов — Джон Гринвуд и Генри Барроу — были повешены.

Тем не менее конгрегационализм получил широкое распространение в Америке. Крупнейшие колонии Новой Англии — Массачусетс и Коннектикут — были основаны конгрегационалистами, и до конца XVII в. приверженцы этого течения довольно успешно сопротивлялись проникновению в «их» часть Америки кого-либо из иноверцев. Именно конгрегационалисты основали Гарвардский колледж (1636) и учинили казнь сейлемских «ведьм» — двенадцати человек, обвиненных в колдовстве (1692).

Во время Английской революции аналогичное религиозно-политическое течение под названием индипендентство, связанное с именем Оливера Кромвеля, помогло пресвитерианам Долгого парламента одержать верх над королевской властью. Но армия, состоявшая из индипендентов, помешала пресвитерианам подчинить всех англичан дисциплине кальвинистского Вестминстерского исповедания 1645 г., которому Долгий парламент пытался придать силу закона. Индипенденты попробовали обустроить Англию сначала как республику, затем через режим Протектората (1648–1658). Правда, после смерти Кромвеля это течение очень быстро сошло на нет. Тем не менее именно во время Английской революции оба основных устройства кальвинистских церквей были описаны и обоснованы: пресвитериальное — в «Вестминстерском исповедании», конгрегационалистское — в «Савойском исповедании» 1658 г. (оба документа были приняты в Лондоне, но соответственно в Вестминстерском дворце и в Савойском дворце, ныне не существующем). С конгрегационализмом было связано «второе дыхание» экспансии кальвинизма.

Помимо четырех уже упомянутых разновидностей Реформации, следует упомянуть пятую: радикальную. Она представляла собой многочисленные разрозненные попытки объединить людей, считавших себя христианами, вокруг разнообразных антиринитарных, милленаристских / хилиастических учений (предполагавших, что после Второго пришествия Христа и до Страшного суда будет тысячелетнее царствие Христово на земле). Эти учения были распространены еще в древней церкви, но возродились

в эпоху Реформации с какими-то модификациями. Их придерживались последователи Томаса Мюнцера во время Крестьянской войны 1525 г., участники Лейденской коммуны 1534 г., приверженцы антитринитариев — Мигеля Сервета (1511–1553), Леллия Социна (1525–1562) и его племянника Фавста Социна (1539–1604). Приверженцев двух последних в Польше обычно называли «неоарианами» — в память об арианах, еретиках IV в.

Основание ордена иезуитов и решения Тридентского собора 1545–1563 гг. стали ответом РКЦ на Реформацию. Их принято называть Контрреформацией. С недавних пор некоторые историки предложили рассматривать эти действия католиков как еще одну (шестую по нашему счету) разновидность Реформации — католическую. Для такой точки зрения есть серьезные основания: РКЦ в результате этих преобразований изменилась значительно. Однако принять ее означало бы расширить понятие Реформации до полной потери определенности содержания и превратить его в чисто формальное, охватывающее все и любые перемены в жизни РКЦ в 1517–1648 гг. Понимаемая таким образом Реформация утратила бы свой внутренний смысл. Поэтому будем придерживаться более традиционного понимания Реформации и, описывая ее как целостный процесс, исключим Контрреформацию из рассмотрения.

4. Предпосылки Реформации и ее влияние

Баптисты — самые заметные в современной России протестанты — прилагают немалые усилия, чтобы отыскать предпосылки Реформации и прежде всего, разумеется, баптизма в религиозных явлениях более ранних веков⁶. Предшественников Реформации видят в богумилах / павликианах, альбигойцах / катарах, лоллардах (сторонниках английского реформатора Джона Уиклифа) и гуситах. Насколько правомерны такие утверждения?

---

⁶ См. монографию, посвященную катарам: *Солодовников В.В.* Оболганные инквизицией. М., 1997.

Богумилов поздней Византии иногда причисляют к предшественникам Реформации на том основании, что они категорически не признавали власти епископов. Характерно ли это для Реформации? На вопрос, поставленный таким образом, невозможно дать однозначный ответ: англикане и лютеране признают власть епископов, кальвинисты же в подавляющем большинстве не признают. Нужно уточнить, о какой разновидности Реформации идет речь.

Реформация была реакцией на развитие римско-католической доктрины и практики в направлениях, которые реформаторам представлялись ложными и опасными; попыткой остановить такое развитие и повернуть его вспять. Поэтому у исследователя не может быть а priori уверенности в том, что у Реформации вообще были предпосылки, вызревавшие в предыдущие годы и века. Позволю себе такую аналогию. Так называемый путч ГКЧП в августе 1991 г., несомненно, был реакцией на процессы, развивавшиеся с 1985 г., и попыткой их остановить. Можно ли считать, что, скажем, в 1981 г. могли быть налицо какие-то предпосылки этого путча? Отрицательный ответ представляется очевидным.

Тем не менее, зная, что представляли собой лютеранство, цвинглианство и англиканство, мы можем попытаться найти в явлениях более ранней церковной истории то, что предвосхищало эти позднейшие течения, обладающие яркой спецификой, так что одно с другим внимательный историк не перепутает.

Для кальвинизма же как целостного явления такая задача представляется невыполнимой. Характерные черты кальвинизма суть в то же время черты одного из трех других течений. Учение об оправдании только верой — и лютеранское, и цвинглианское, и кальвинистское. Иконоборчество — явление и цвинглианское, и кальвинистское.

Но одна характерная черта кальвинизма, присущая ему изначально, всё же была оригинальна и неповторима. Позднейший кальвинизм выработал (в двух вариантах) новые и своеобразные представления о должном устройстве Церкви.

В первоначальном кальвинизме оригинально было понимание причастия. Кроме того, позднейший кальвинизм отказался

признать приемлемым традиционное для христианской церкви епископальное устройство и объявил единственно правильным одно из двух других: пресвитериальное либо конгрегациональное. Этот принципиальный, со ссылками на Библию, отказ от традиционного для христианской церкви канонического устройства — несомненно, оригинальная черта кальвинизма, и притом только позднего. Для англикан епископальный строй неприкосновенен, а для лютеран вполне приемлем.

Итак, не будем искать предпосылок и признаков Реформации вообще. Будем искать по отдельности предпосылки и признаки: 1) лютеранства; 2) цвинглианства; 3) англиканства; 4) кальвинистского понимания причастия; приверженности принципам устройства церкви: 5) пресвитериальному или 6) конгрегациональному. Поиски же предпосылок отдельных течений радикальной Реформации — задача сравнительно несложная, поскольку как их адепты, так и противники отмечали сходство соответствующих теорий с древними ересями.

Сам Лютер считал своим предшественником Яна Гуса, но категорически отвергал сходство своих учений с теориями Джона Уиклифа. Англиканские же реформаторы именно на Уиклифа ссылались часто и одобрительно: ведь для Дж. Уиклифа были характерны и стремление сделать церковь национальной, и «символическое» понимание причастия.

5. Православие и Реформация

Были или нет проявлениями Реформации в России религиозные течения, возникшие в среде или на почве русского православия? Отвечая на этот вопрос, мы столкнемся с некоторыми дополнительными проблемами.

Во-первых. Сама Реформация в немалой мере была результатом влияния Православия на РКЦ. Образованные греки, перебравшиеся на Запад в последние века существования Византийской империи и сразу после ее падения, были проводниками этого влияния. От них католики узнали, что, оказывается, можно:

- 1) не подчиняться папе и, однако, иметь нормальную Церковь;
- 2) не верить в чистилище;
- 3) причащать вином также и мирян;
- 4) позволять клирикам вступать в брак;
- 5) читать Библию и служить литургию не на латыни, а на национальном языке.

Эти новшества, представлявшие в католических странах хорошо забытую там православную старину, приняли все церкви Реформации.

Очевидно, говорить о влиянии Реформации в России в этих аспектах бессмысленно. Ведь то, что Реформация в западном христианстве восстановила, в православии было всегда.

Во-вторых. Некоторые догматы и практики, сформулированные или получившие распространение во время Реформации, согласуются с православными догматами и практиками, однако не воспринимаются православными как православные догматы и практики, поскольку формулировались в понятиях западной богословской традиции. Переложенные на более привычный для православных язык, они вообще не воспринимались как нечто имеющее отношение к Реформации.

Это прежде всего основное лютеранское богословие. Центральным в нем является представление об Иисусе Христе как о единственном искупителе. Приблизительно сто лет (1745–1842 гг.) основное богословие в духовных учебных заведениях Русской церкви изучалось по лютеранским учебникам. Автором учебных текстов был Давид Голлац (Hollazius David; 1648–1713)⁷. Книга Иоганна Арндта (Arndt Johann; 1555–1621) «Об истинном христианстве» (1605–1608) воспринималась как

---

⁷ Историк Август Шлёцер, посетив в июне 1763 г. Александро-Невскую лавру в Санкт-Петербурге, застал за изучением труда Голлаца одного монаха и записал с его слов, что «это их главная богословская система, потому что их богословие только в немногих случаях уклоняется от Голлаца» (*Шлёцер А. Л. Общественная и частная жизнь // Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. Т. 13. СПб., 1875. С. 160*).

православная книга, которую каким-то непонятным образом смог написать лютеранин⁸.

В лютеранстве учение об искуплении формулируется весьма четко, строго и однозначно. Оно принято официально. В православии же есть несколько вариантов учения об искуплении⁹, причем теория, совпадающая с лютеранским пониманием, именуется «юридической теорией искупления», и ни один из этих вариантов не является в Православной церкви общепринятым. Некоторые приверженцы юридической теории искупления, как архиепископ Феофан Прокопович (1681–1736), несомненно, испытывали влияние реформационных идей, однако архиепископ Серафим Соболев (1881–1950) — едва ли.

В этом аспекте — в догматическом учении об искуплении — отличие Реформации (лютеранской и кальвинистской) от православия есть отличие западной богословской традиции от восточной. Оно легко выявляется по внешним признакам, а именно: у двух названных церквей Реформации этот догмат сформулирован четко и категорично, в православии (а также в англиканстве) он размыт и вариативен. Однако нельзя утверждать, будто между православием как целым и лютеранством в этом вопросе есть содержательное вероучительное различие. Если православный автор отвергает юридическую теорию искупления, различие есть. Если не отвергает — различие не прослеживается.

Влияние упомянутых выше протестантских сочинений и идей имело место, но воспринималось не как реформационное влияние на православие, а как подкрепление православия духовным наследием древней (или неразделенной) Церкви, передаваемым через каналы реформационного происхождения. Аналогично воспринимались в России XIX в. и мистические со-

---

⁸ В редакционном предисловии к полному переводу труда Арндта, изданному в 1906 г., сказано следующее: «О том, что настоящее сочинение является *строго-православным* во всех своих частях и в каждой строке, — едва ли нужно и говорить» (Об истинном христианстве: Сочинение Иоанна Арндта в четырех частях. СПб.: изд. П. П. Сойкина, [б.г.]. С. 10).

⁹ См.: Гнедич П., *протоиерей*. Догмат искупления в русской богословской науке (1893–1944). М., 2007.

чинения баптиста Джона Буньяна: «Путешествие пилигрима» и «Духовная война».

В-третьих. Некоторые литургические традиции и принципы церковного устройства весьма вариативны как в православии, так и в церквях Реформации.

Это прежде всего выбор языка, на котором библейские тексты используются в литургии или для чтения мирянами. В принципе, все церкви хотят, чтобы верующие понимали текст и чтобы он звучал торжественно. Но в ситуациях, когда приходится выбирать между красивым и понятным, церкви Реформации безоговорочно делают выбор в пользу понятного. Православные же обычно стремятся, елико возможно, совместить одно с другим: уверяют, например, будто понимание церковнославянских текстов не представляет никаких трудностей. Но вот 13 февраля 1651 г. патриарх Иосиф издал указ, запрещающий многогласное пение в ходе литургии. Указ был направлен на то, чтобы прихожане могли понимать смысл церковной службы. Его одобрили как будущие старообрядцы, так и будущий патриарх Никон. Недовольный поп Прокопий заявлял: «Заводите-де вы, ханжи, ересь новую, единогласное пение; беса-де имате в себе»¹⁰. Было бы натяжкой приписывать реформационному влиянию всякое стремление сделать литургию понятной.

Далее, это вселенский / поместный / национальный характер православных церквей и церквей Реформации. Устройство тех и других в данном аспекте сильно варьируется, но в любом варианте принципиально отличается от устройства РКЦ с ее жесткой централизацией и претензиями на охват своей канонической властью всей христианской ойкумены. Сходство или различие в этих пунктах само по себе ничего не говорит ни о сходстве, ни о различиях между Реформацией как таковой и православием. Нет оснований ни признавать, ни отрицать реформационное влияние на православие.

Однако при рассмотрении отдельных ситуаций можно предположить, что, скажем, интерес отдельных новгородцев XV в.

¹⁰ *Карташев А. В.* Очерки по истории Русской церкви. Т. II. Париж, 1959, репринт: М., 1991. С. 125.

к Ветхому Завету на древнееврейском языке мог быть результатом предреформационных влияний. Хотя в XIX в. синодальный перевод Ветхого Завета на русский язык был выполнен именно с древнееврейского текста, для православия XV в. его использование было абсолютно исключено.

В-четвертых. Отказ от некоторых церковных практик характерен для всех церквей Реформации, однако категорически неприемлем для православия. Это: 1) институт монашества; 2) почитание мощей.

В-пятых. Существует очень широкий круг особенностей, характеризующих одни церкви Реформации, но совершенно нехарактерных для других. Это, в частности:

- 1) отношение к иконам: от умеренного иконопочитания у лютеран до категорического иконоборчества у цвинглиан и кальвинистов;
- 2) церковное устройство: епископальный строй на основе канонического права древней церкви у англикан — пресвитериальный строй у одних кальвинистов — конгрегациональный у других кальвинистов, а также у баптистов, квакеров и др.

В этих аспектах имеет смысл говорить о влиянии на православие тех или иных ее разновидностей, но не Реформации в целом.

В-шестых. Антитринитарные учения характерны для радикальных течений Реформации, но категорически неприемлемы ни для православия, ни для основных протестантских церквей.

Получается, что только отрицание правомерности института монашества и отказ от почитания мощей могут считаться проявлениями реформационного влияния на православие как таковое.

***

Следует иметь в виду, что в истории православно-протестантских контактов было немало таких споров, в которых стороны защищали неспецифичные для них точки зрения. Например, в ходе московской дискуссии 1645 г. русских православных богословов с датским королевичем Вольдемаром православные настаивали на том, что действительным крещением является только крещение полным погружением, а лютеране — на том, что и крещение обливанием или кроплением следует считать действительным. В наше время как РПЦ, так и Датская церковь считают действительным крещение обливанием или кроплением, а на полном погружении настаивают старообрядцы и баптисты.